

— Я знаю, что ты супруга наследного принца! — Возможно, я крикнула слишком громко, потому что за дверью послышались встревоженные голоса. Их тут же оборвала Сун Фою, громко объявив: «Мы ждём супругу наследного принца и принцессу снаружи!» — и выпроводив всех прочь.

Я уставилась на Вэй Хуань.

— Не надо повторять. Я знаю: ты супруга наследного принца, моя невестка, а не моя подруга.

Моя рука выскользнула из её пальцев, ладонь легла между её бёдер, средний и указательный пальцы быстро нашли нужное место. Но в миг, когда я собралась надавить, дрогнула — и упустила момент. Она резко оттолкнула меня.

— Одумайся! Твоя матушка не сможет вечно тебя защищать. В конце концов тебе придётся положиться на брата!

Я смотрела на неё горящими глазами.

— А сама-то? Разве не говорила, что ради мгновения счастья со мной готова на всё? Что, теперь испугалась? Или с самого начала врала?

Я наконец высказала это, но теперь сама испугалась её ответа. Пока вопрос повис в воздухе, он терзал меня, не давая покоя ни днём, ни ночью, но хоть оставлял надежду. А если окажется, что она и вправду всё это время лгала... что мне тогда делать?

Но я спросила. Я видела, как её лицо меняется, пока не стало мертвенно-бледным. Губы задрожали, прежде чем на них появилась улыбка, больше похожая на гримасу боли.

— Ты не веришь мне.

Хотя виноватой должна была быть она, это я опустила глаза, не в силах смотреть на неё. Спустя долгую паузу она тихо произнесла:

— Я не виню тебя.

Я украдкой взглянула на неё. Её взгляд блуждал где-то за ширмой.

— Вру. Виню. Ты родилась принцессой. Выросла на ладони у родителей. Ты никогда по-настоящему не понимала, каково это — быть нами.

Медленно, словно сквозь туман, она отвела взгляд, наклонилась и, не глядя, стала подбирать с пола свою одежду. Одевалась она так же безучастно — механично, будто деревянная кукла.

Когда она злилась, мне не было страшно. Но это... это безжизненное спокойствие леденило душу. Я нерешительно топталась рядом и наконец пролепетала:

— А-Хуань...

Она не взглянула на меня. Медленно вышла в центр комнаты, подошла к туалетному столику, взяла нож и, наклонившись, вложила его в ножны.

Я пошла следом, снова позвав:

— А-Хуань...

Она всё ещё не смотрела на меня. Перед медным зеркалом вытерла слёзы, поправила платье, переложила волосы и собрала их в простую причёску.

Я стояла рядом, хотела помочь — но поняла, что едва могу держать гребень, не то что уложить сложную причёску.

Закончив, она поднялась и направилась к выходу. Я дошла до двери и открыла её перед ней.

Она бросила на меня бесстрастный взгляд, переступила порог, оперлась на руку служанки и с привычным достоинством поднялась в паланкин.

Я застыла в дверях, провожая её взглядом, пока носилки не скрылись из виду. Потом медленно повернулась и побрела обратно.

На душе было странно. Раньше любая, даже мелкая, радость или печаль заставляли моё сердце биться чаще — пусть и не до приступа, но достаточно, чтобы поднять шум.

А теперь, когда она ушла, в груди царила мёртвая, необъяснимая тишина.

Я поняла: я её не ненавижу.

Я не ненавижу её. Но и не испытываю прежней привязанности.

Я просто... люблю её.

***

Отец не дождался, когда достроят мой дом в квартале Син-дао, но дождался рождения первого внука от Ли Жуя — сына от дворцовой служанки. Беременность обнаружили лишь на шестом месяце. Когда служанку уже вели на казнь, мимо проходила Вэй Хуань. Узнав о деле, она привела ту женщину к Ли Жую. Проверка подтвердила: ребёнок и вправду от императорского сына. Служанка умерла в родах, а новорождённого внука отец нарек Шоули и велел отдать на воспитание Вэй Хуань.

Вскоре после рождения внука отец стал терять сознание. Матушка велела наследному принцу взять на себя управление страной, а меня вызвала к ложу отца — дежурить с ней вместе, днём и ночью. Через две недели, в первый день апреля — в эпоху, когда не было Дня смеха, — отец навсегда покинул нас, став Прежним Императором. В завещании говорилось: наследный принц Жуй взойдёт на престол перед гробом, сменит траурный период с дней на месяцы и немедленно приступит к делам управления; трое канцлеров будут ему помогать, а если возникнут неразрешимые вопросы — обращаться за решением к Тяньхоу. Князьям добавили по сто дворов владений, принцессам — по пятьдесят, чиновникам повысили титулы и ранги, народу же даровали послабления в податях.

За тридцать четыре года жизни я впервые столкнулась со смертью самого близкого.

Какими бы ни были его деяния как правителя, к нам с Ли Жуем отец всегда относился безупречно. Перед концом он уже почти не мог говорить, но всё же позвал нас к ложу, дрожащей рукой положил мою ладонь в руку Ли Жуя, а потом, с трудом вздохнув, из последних сил погладил меня по голове.

В тот миг мы с Ли Жуем не выдержали — слёзы хлынули рекой.

Дворец мгновенно погрузился в траур. Матушка, Ли Жуй, Вэй Хуань и я облачились в белые одежды. Ли Жуй находился с внешней стороны зала, мы же с матушкой, Вэй Хуань и редко появляющиеся наложницы — внутри, под руководством церемониймейстеров совершали положенные обряды.

Согласно ритуалу, передо мной стояло множество замужних старших родственниц, отгораживая меня от матушки. Ванъэр, хоть и имела титул Цайжэнь, не могла находиться рядом с государыней. Зато рядом с ней стояла Вэй Хуань.

Я молча наблюдала, как та вдалеке старательно прислуживает матушке, исполняя долг старшей невестки. Мысль о том, что скоро она станет императрицей, не вызвала во мне ни малейшей волны. Лишь изредка, вспомнив об отце, я тихо всхлипывала. А когда церемониймейстер провозглашал следующий обряд, я вместе со всеми опускалась на колени или склонялась в поклоне.

Матушка приставила ко мне двух служанок — те держали наготове пилюли на случай приступа. Вэй Хуань тут же последовала её примеру, выделив мне одну из своих. Однако через пятнадцать дней я не выдержала этого марафона скорби — пала в обморок во время поклона. Очнувшись уже в соломенной хижине, возведённой перед дворцом для траура. Рядом, склонившись на коленях, сидела лишь А-Цин. Едва я открыла глаза, она вышла и вскоре вернулась, неся лаковую коробку для еды. Раскрыв её, она выпустила в воздух лёгкий, но явственный аромат.

Аромат мяса.

Я с ужасом уставилась на маленькую миску мясного бульона и инстинктивно хотела позвать стражу. Но А-Цин поставила коробку в сторону, почтительно подняла миску и сказала:

— Ваша Светлость, не тревожьтесь. Это дар от Её Величества Тяньхоу.

Мяса в супе было немного — всего три тощих ломтика, жалко плававших в мутновато-белом отваре. С виду блюдо больше напоминало бесплатный суп из университетской столовой моей прошлой жизни — если суп ассоциируется с «бесплатным», о его виде можно не распространяться. В обычное время он не вызвал бы и тени аппетита.

Но я не ела мяса уже пятнадцать дней.

Мало того — вся еда за это время не заслуживала иного описания, кроме «грубая и скудная».

Будто этого было мало, Ли Жуй, желая явить миру свою сыновнюю скорбь, объявил: «Покойный император равен Яо и Шуню! Когда те преставились, Поднебесная скорбела и ограничивала пищу, как по умершим родителям. Ныне все подданные должны последовать примеру скорбящего наследника!» Мне он, правда, сделал исключение — разрешил есть что угодно. Но если все вокруг, включая матушку, подчинились воле будущего императора, как могла выделяться я? Тем более что формально я уже была замужней женщиной, и моё довольствие больше не входило в дворцовую смету.

В итоге мы не только должны были днём и ночью находиться здесь, но и довольствоваться одной трапезой в сутки — без мяса, только самая простая постная пища. Императрице-матери, детям до семи лет, старикам за шестьдесят и таким, как я, слабым и болезненным, делали поблажку — разрешали лёгкую закуску утром и вечером.

Я сглотнула слюну, с тоской посмотрела на мясной отвар и твёрдо покачала головой:

— Вздор! Как можно есть мясо, когда носим траур по отцу?

Чтобы подчеркнуть сыновний долг, я даже выдавила пару слёз. Но, не рассчитав, разрыдалась по-настоящему — рухнула на колени и зашлась в рыданиях.

А-Цин смотрела на меня, не зная, плакать или смеяться, и снова пододвинула миску.

— Благочестие не в этом, Ваша Светлость. Выпейте, пока тёплое.

Я, всхлипывая, приподнялась, прижала руку к груди и решительно мотнула головой:

— Не буду.

<http://bllate.org/book/16278/1466879>